

ПРЕПОДАВАНИЕ ДИСЦИПЛИН ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЦИКЛА УДК 81-26, ББК 81.2, ГРНТИ 16.31.51,
Код ВАК 5.9.5

Юрислингвистика как вузовская учебная дисциплина (на материале учебников и магистерских программ в вузах Российской Федерации): аспектуализированный обзор

Н. Д. Голев, К. А. Лоншакова

Кемеровский государственный университет

ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. E-mail: ngolevd@mail

В статье рассматриваются предпосылки и современное состояние юрислингвистики как вузовской учебной дисциплины. Тема «Юрислингвистика в вузе» охватывает в статье три содержательных направления: юридическое, лингвистическое и педагогическое. Отмечается и прослеживается история и современность юрислингвистики в нескольких социальных статусах: юрислингвистика выступает как практическая деятельность, как научное направление, наконец, юрислингвистика включается в качестве отдельной дисциплины в систему вузовского образования и образует целый профиль в рамках направлений подготовки юристов и филологов в высшей школе. Мы намерены показать в статье истоки и эволюцию данного феномена. Центральный вопрос работы касается вхождения юридической лингвистики в систему высшего образования. В числе частных задач статьи – представление специфики разработки учебной литературы по направлению «Юрислингвистика». Конкретно-исследовательская цель статьи – проведение многоаспектного анализа структуры и модальностей опубликованных и используемых в образовательной практике вузовских учебных пособий по юридической лингвистике. Материалом исследования выступил массив учебной литературы по юридической лингвистике, подготовленной начиная с 2000 г. до настоящего времени. В статье осуществляется ее аспектуализированный обзор. Основным предметом рассмотрения – модальность и структура учебного издания; основной аспект его изучения вытекает из тезиса: структура и модальность учебного издания во многом определяются не только его видом (жанром), но и целевой аудиторией, к которой оно обращено (филологи, юристы, эксперты, широкая целевая аудитория).

Ключевые слова: взаимодействие языка и права, взаимодействие юриспруденции и филологии, юрислингвистика, юрислингвистика как учебная дисциплина, вузовское образование, магистерская программа, учебник, модальность учебного текста, целевая аудитория.

Legal Linguistics as a University Academic Course (Case Study of University Textbooks and Master's Programs in the Russian Federation): Aspect Approach

N. D. Golev, K. A. Lonshakova

Kemerovo State University

6 Krasnaya str., 650000, Kemerovo, Russia. E-mail: ngolevd@mail.ru

The article discusses the prerequisites and the current state of legal linguistics as a university academic course. The topic "Legal linguistics at university" covers three substantial areas in the article: legal, linguistic and pedagogical. The history and modernity of legal linguistics are noted and traced in several social statuses: legal linguistics as practice, as a research area, and finally, legal linguistics as a separate course included in the system of higher education and forming a major in educating lawyers and philologists at university. We intend to show in the article the origins and evolution of this phenomenon. The central issue of the work concerns the entry of legal linguistics into the system of higher education. Among the particular objectives of the article is the presentation of the specifics of the development of educational literature for the course of "legal linguistics". The specific research goal of the article is to conduct a multi-aspect analysis of the structure and modalities of university textbooks in legal linguistics published and used in educational process. This work is a case study of a range of

educational literature in legal linguistics, as issued from 2000 to the present. The article provides its aspect review. The main subject under consideration is the modality and structure of the educational edition; the main aspect of the study results from the thesis: the structure and modality of an educational edition is largely determined not only by its type (genre), but also by the target audience to which it is addressed (philologists, lawyers, experts, general readers).

Key words: interaction of language and law, interaction of jurisprudence and philology, legal linguistics, legal linguistics as an academic course, university education, master's program, textbook, modality of educational text, target audience.

Введение

Вузовское образование по своей сути возникает и функционирует в фарватере социальных потребностей и научного познания. Научное знание – постоянно изменяющийся феномен. Подобно живому организму научная мысль динамично развивается: устанавливаются новые закономерности, старые – подвергаются процедурам верификации, что ведет к их укреплению, частичному уточнению, корректировке или же опровержению. Из столетия в столетие изменяются «правила науки», фокус внимания ученых смещается от одного аспекта изучаемого объекта к другому в соответствии с вызовами времени. Все это определяет смену научной парадигмы. Актуальные исследования XXI в. проводятся под эгидой когнитивно-дискурсивной парадигмы. Ее ключевые характеристики: антропоцентризм, функционализм, экспланаторность, экспансионизм [Кубрякова 2017: 46; Позднякова 2008: 53]. Последняя из названных черт предполагает расширение связей лингвистики с науками гуманитарного и негуманитарного цикла. Таким образом, тенденцией последних лет в научном лингвистическом сообществе становится, в частности, отход от изучения языка в чистом виде (по выражению Ф. де Соссюра, «языка в себе» [Saussure 1971]) и возрастание интереса к функционированию языка в разнообразных дискурсах во всей полноте взаимосвязей.

Предлагаемая нами тема обсуждения «Юрислингвистика в вузе» охватывает как минимум три содержательных направления: юридическое, лингвистическое и педагогическое. Уже сегодня юрислингвистика существует в нескольких социальных статусах: является практической деятельностью, научным направлением, включается в качестве отдельной дисциплины в вузах или же образует целый профиль в рамках направлений подготовки юристов и филологов в высшей школе. Мы намерены показать в статье истоки и эволюцию данного феномена. Центральный вопрос работы касается вхождения юридической лингвистики в систему высшего образования. В числе частных вопросов здесь – разработки учебной литературы по данному направлению.

Сегодня остро стоит вопрос несоответствия желаемого и реального: общество испытывает потребность в специалистах юрислингвистического направления (все чаще филологи получают запросы на проведение лингвистических экспертиз спорных текстов, проверку соответствия нормативных текстов требованиям точности, понятности и др.). Вузы в этой связи открывают соответствующие направления подготовки в первую очередь в рамках магистратуры (ср., например магистерскую программу 45.04.01 Филология «Русский язык (юридическая и документная лингвистика)» в Кемеровском государственном университете), а это, в свою очередь, требует снабжения образовательных программ средствами и инструментами обучения. Конечно, опыт разработки учебных изданий по юридической лингвистике имеется, некоторые из них существуют в нескольких переизданиях. И все же, на наш взгляд, ситуация, сложившаяся в этой области, в определенной мере монополистична: едва ли можно назвать десять книг, обеспечивающих формирование первичных компетенций студентов-первокурсников юрислингвистической магистратуры.

Общетеоретическая цель представляемого в статье исследования – очертить содержательные и методические параметры учебных дисциплин, связанных с юрислингвистикой. Конкретно-исследовательская цель – провести многоаспектный анализ структуры и модальностей опубликованных и используемых в образовательной практике вузовских учебных пособий по юридической лингвистике. Материалом исследования выступил массив учебной литературы по юридической лингвистике, подготовленной начиная с 2000 г. до настоящего времени. Основной предмет рассмотрения – модальность и структура учебного издания; основной аспект его изучения вытекает из тезиса: структура и модальность учебного издания во многом определяются не только его видом (жанром), но и целевой аудиторией, к которой оно обращено (филологи, юристы, эксперты, широкая целевая аудитория).

Содержание вузовского курса «Юрислингвистика»: социальные аспекты

История взаимодействия языка и права началась задолго до возникновения термина «юрислингвистика». Некоторые ученые связывают появление различных видов деятельности на пересечении этих феноменов со временем принятия первых законов и заключением первых правовых документов [Брусенская, Куликова 2017: 125; Зархина 2008: 7], взгляд других еще более ретроспективен и устремлен к событию возникновения письменности (Месопотамия, 3-е тысячелетие до н. э.) [Моисеенко 2017: 99]. Первыми задокументированными актами, имеющими юридическую значимость, были клятвы, тексты присяги, записи сделок, завещаний и распоряжений, а также целые своды законов (Законы Хаммурапи, XVIII в. до н. э.; Законы Ману, между II в. до н. э. и II в. н. э.) [Зархина 2008: 7]. И все же, несмотря на то, что «связь языка и права замечена давно, радикальные выводы, объясняющие сущность, значение права, судебное доказательство, истину с точки зрения лингвистики, из этого положения не делались» [Брусенская, Куликова 2017: 125].

Считаем абсолютно оправданным суждение о не последней роли филологии в становлении осознанного подхода к увязке языка и права сначала в практической деятельности (толкование древних и религиозных памятников письменности, включая тексты законов – практическая потребность, обусловившая появление филологии [Голев

2007: 8]), а затем и в науке. Толкование – не единственный вектор деятельности в рассматриваемой сфере. Обратное действие – законотворчество (антиномия производство – восприятие) – немисливо без единства этих категорий. Еще юристами Древнего Рима было сформулировано положение: «право может и должно быть определенным». В нем считаются требования точности, полноты и понятности закона [Гришенкова 2005: 20; Зорина 2017: 3].

Сегодня обеспечение соответствия этим критериям – ключевая задача юридической техники.

С точки зрения семиотики можно утверждать, что всякая сфера человеческой деятельности, познания, культуры связана с языком, поскольку он является первичной знаковой системой. «В языке аккумулируется опыт освоения окружающего мира» [Барабаш 2014: 14], право же «связано с языком по происхождению, объективируется через язык, познается через него» [Барабаш 2014: 15]. Тезис о единстве происхождения и механизмов языка и права подтверждается философскими изысканиями. В частности, Г. В. Томсон, интерпретируя логику как науку, изучающую способы выражения мыслей в языке, приходит к выводу, что юридическая логика «помогает ... лингвистам ... точнее понять лингвистику юридического текста» [Томсон 2017: 381].

По нашему убеждению, в онтологическом основании языко-правовой сферы как предмета юрислингвистики лежит механизм нормообразования в языке, в котором заложены (в той или иной степени) потенции и начальные элементы собственно юридической нормативности [Голев 1999: 14]. Такой же позиции придерживается Т. С. Шокиров при обосновании необходимости юрислингвистического толкования [Шокиров 2013: 90]. Это позволяет утверждать, что истинная первородная причина возникновения проблем на стыке языка и права естественна: особая сфера человеческих отношений требует особого обслуживающего ее языка, в процессе функционирования которого стихийно проявляются сложно разрешимые онтологические противоречия.

Говоря о роли языка в погружении в юридический контекст, принято определять его как: а) «средство законодательной деятельности» (оформление правовых предписаний); б) средство «правоприменительной деятельности» (составление различных юридических документов: судебных решений, договоров, протоколов и т. п.; нормирование устной речи акторов судебного процесса); в) «объект толкования в правоприменительной и правореализационной деятельности»; г) объект «правового регулирования» («например, при рассмотрении текстов как предмета авторского права») [Барабаш 2014: 16, 17]. На этом основании различают две юрислингвистических «отрасли»: лингвоюристику, основанную на анализе «проблем, связанных с вовлечением естественного языка в сферу юридического функционирования, где он напрямую соприкасается с законом» [Брусенская 2011], и юрислингвистику, т. е. языковые аспекты права, в частности языковое оформление «законов, существующих в обществе и в ментальности человека в языковом воплощении» [Брусенская 2011].

Лингвоюристика – поле деятельности юристов – предполагает работу в сфере языкового законодательства. «В Европе одним из первых актов в языковой области было постановление Турского собора 813 года о чтении проповедей на народных языках вместо латыни. До XIX века в различных странах принимались законы в пользу мажоритарного языка, и только со второй половины XIX века начинают издаваться законы, ограждающие миноритарные языки» [Брусенская 2011]. В современном языковом праве России первостепенное значение имеют Конституция, в которой закреплен статус русского языка как государственного (при гарантии сохранения национальных языков) [Осипов 1999: 65], и Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» [Брусенская 2011].

Активизация лингвоправовой деятельности приходится на XX в. Примечательно, что происходящие в разных странах процессы имели схожие предпосылки. В США и Великобритании «импульсом для развития юридической лингвистики ... стали проблемы, возникающие в ходе допроса свидетелей», в Америке в зону пересечения двух сфер попали также «судебные разбирательства по поводу торговых марок» [Будаев 2019: 123, 124]. В центре внимания американских и английских юристов и лингвистов находятся язык и стиль юридических документов, преломленные через призму понимания «неспециалистов» в области права [Гришенкова 2005: 21]. Своеобразную историю имеет австралийская юрислингвистика, которая сформировалась «в 1980-х гг. как прикладное направление социолингвистики, призванное способствовать соблюдению прав подозреваемых» [Будаев 2019: 124]. Особую роль здесь сыграли вопросы понимания судебного процесса аборигенами, диалекты английского которых местами весьма значительно отличались от языка «белых полицейских» [Будаев 2019: 124].

Говорить о возникновении юрислингвистических практик в России можно лишь применительно к последнему десятилетию XX столетия. Причины на то носят в первую очередь политический характер: формирование правового государства, либерализация общества, расширение сферы участия рядовых граждан в юридической и экономико-правовой деятельности, рост политической активности граждан, усиление роли СМИ, отмена цензуры, свобода слова и мысли – казалось бы, положительные перемены, однако они способствовали «увеличению коллизионных ситуаций, связанных с использованием языка» [Зорина 2017: 8; Брусенская 2011].

Деятельность на стыке языка и права не ограничивается указанными аспектами. Вслед за исследователями мы признаем ее наполнение весьма разнородным. «Юрислингвистика, являющаяся межотраслевой наукой, находит свое применение на протяжении всех стадий правового регулирования: от этапа правотворчества до процесса его реализации, однако наибольшее применение имеет все-таки в правотворческом и правоприменительном процессе» [Зорина 2017: 12]. Перечислим ключевые направления деятельности, требующей как лингвистических, так и юридических знаний, выделяемые разными авторами:

- 1) планирование и ведение языковой политики, решение вопросов оценки языковой ситуации (в том числе защита конституционного права на пользование родным языком) [Брусенская, Куликова 2017: 126; Руженцева 2017];
- 2) формирование юридической терминосистемы; кодификация юридического языка [Брусенская 2011; Руженцева

2017];

3) социолингвистический анализ правовых коммуникаций; разработка методик борьбы с помехами в коммуникации между юристами и не юристами [Гришенкова 2005: 22; Руженцева 2017; Глинская 2012: 218; Gibbons 2003: 12];

4) лингвистическая конфликтология [Брусенская 2011; Руженцева 2017];

5) лингвоюридическая экспертиза [Гришенкова 2005: 20; Брусенская 2011; Руженцева 2017; Глинская 2012: 218; Gibbons 2003: 12; Ворошилова 2013];

6) контроль над речевым манипулированием и суггестивной функцией языка, включая контроль рекламы [Брусенская 2011; Ворошилова 2013];

7) квалификация «языковых преступлений» (клевета, подстрекательство, угроза и др.); криминалистические исследования [Брусенская, Куликова 2017: 126; Гришенкова 2005: 20];

8) юридическое документирование, толкование законов, языковое ведение судопроизводства [Гришенкова 2005: 20; Зорина 2017: 12; Глинская 2012: 218; Gibbons 2003: 12];

9) устный и письменный юридический перевод [Гришенкова 2005: 20; Руженцева 2017; Глинская 2012: 218; Gibbons 2003: 12];

10) анализ креолизованного текста [Ворошилова 2013];

11) решение вопросов уголовного и гражданского процесса, связанных с установлением истины [Ивентьев 2018: 288];

12) юридическая лексикография [Руженцева 2017].

Как видим, среди видов юрислингвистической деятельности особое место занимает судебная лингвистическая экспертиза спорных текстов. По выражению Ю. А. Гришенковой, «российская юрислингвистика в настоящее время сконцентрирована на проблеме лингвистической экспертизы» [Гришенкова 2005: 21]. Подобное мнение о круге интересов современной юрислингвистики выражает и А. Калиев [Калиев 2011: 213]. Это подтверждается разработанностью методики проведения экспертизы, регулярностью запросов на ее проведение, организацией экспертных сообществ (Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) – г. Москва; Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов (СибАЛЭкс) – г. Кемерово; Ассоциация лингвистов-экспертов и преподавателей (АЛЭП «Лексис») – г. Барнаул) [Курьянович 2014: 271, 272] и т. д.

Задачи судебных лингвистических экспертиз весьма разнообразны. Проводятся они по разным делам: 1) защита чести и достоинства граждан (оскорбление, клевета, распространение порочащих сведений и т. д.); 2) интерпретация текстов закона, спорных документов; 3) разжигание межнациональной и религиозной розни; 4) квалификация речевых действий как манипулирования сознанием (реклама, политическая агитация); 5) оценка речевых произведений с точки зрения плагиата и защиты авторских прав; 6) экспертиза межъязыкового перевода и др. [Моисеенко 2016: 103, 104].

Резюмируя, отметим, что за многовековую историю в юридической сфере накоплено огромное количество текстов абсолютно разного характера: от зафиксированных высказываний – предметов судебных разбирательств до собственно нормативных актов. Весь этот массив образует юридический дискурс, который в XXI в. становится не просто полем практической деятельности, а еще и актуальным объектом научного осмысления лингвистов.

Содержание вузовского курса «Юрислингвистика»: научные аспекты

Науки не возникают сами по себе. Они появляются как ответ на запрос о выявлении закономерностей в том или ином явлении, прояснении его истоков, сущности, функций, взаимосвязей. На основании закономерностей вырабатываются правила, категории, типологии, классификации, в которые укладываются объекты данной сферы познания. Выпадение отдельных элементов из сложных установленных структур, их неподчинение вырабатывавшимся веками правилам становится импульсом для новых исследований, поиска объяснений таким явлениям. Ученым приходится смотреть дальше, пристальнее, менять угол зрения, иногда даже оглядываться назад в поисках ответа.

В предыдущем параграфе мы охарактеризовали практическую деятельность на стыке языка и права, перечислили основные ее виды. В определенный момент у практиков естественным образом возникла необходимость зафиксировать, обобщить и систематизировать накопленный опыт, разработать теорию и методики лингвоправовой деятельности. Накопление юрислингвистических знаний и развитие самой науки – это путь от стихийности к целенаправленности и консолидации. «О том, что правовая и языковая нормы нуждаются в квалифицированном осмыслении специалистов, первыми заговорили практики – юристы и журналисты» [Кузнецов, Бурдин, Солнцева 2006: 11].

Новая область знания нуждалась в именовании. Изначально она сложилась в зарубежной традиции и получила название судебной лингвистики (*forensic linguistics*). Происхождение термина связывают с именем британского писателя и лингвиста Я. Свартвика [Барабаш 2014: 15]. Кроме данного обозначения, в западноевропейской лингвистике функционируют термины *linguistica giuridica* (итал.), *legal linguistics* (англ.), *Rechtstlinguistik* (нем.), *linguistique juridique* (франц.) [Голетиани 2014: 241]. «В польской лингвистике этот раздел языкознания получил название *juryslingwistyka*» [Хижняк 2016: 55]. В России «самым основным и базисным термином» признано обозначение «юрислингвистика», введенное в 1999 г. [Зорина 2017: 9].

В США, Великобритании и некоторых странах Европы в 1960-1970-х гг. «появились исследования, посвященные изучению различных аспектов судебного дискурса (Р. Шай, М. Култхард, Х. Книффка), а также целый ряд научных работ, в которых язык стал рассматриваться как средство формирования общественного, в частности политического,

сознания, в том числе в таких негативных его проявлениях, как этноцентризм, расизм и т. д. (Ю. Хабермас, Г. Кресс и др.)» [Барабаш 2014: 15; Хижняк 2016: 55].

Особенным путем развивалась юрислингвистика в Германии: здесь «ученые изначально работали в тесном взаимодействии с органами правопорядка». Такой подход позволил немецкой школе, сформировавшейся позднее, чем в англосаксонских странах, избежать ошибок, с которыми столкнулись последние [Будаев 2019: 124]. Федеральным ведомством уголовной полиции Германии в 1988 г. была организована первая в истории юрислингвистики конференция. В Британии же конференция по юридической лингвистике впервые состоялась лишь спустя 4 года [Будаев 2019: 124]. Язык права представители немецкой юрислингвистической школы определяли как «самостоятельный, отдельный профессиональный язык» [Маслова, Лавицкий 2019: 569].

«Юридическая лингвистика России не стартовала с нулевой отметки» [Голетиани 2011: 24]. Основанием для становления новой науки, прежде всего, стала функциональная стилистика, где «в рамках исследований юридической разновидности официально-делового функционального стиля, уже было поставлено и решено много актуальных задач по изучению процессуального и законодательного текста» [Голетиани 2011: 24], «язык законодательства исследовался ... с точки зрения его особого функционального стиля, специально предназначенного для изложения и последующего применения правовых норм» [Калиев 2011: 213; Голетиани 2011: 24]. Интерес к изучению языка права проявляли А. С. Пиголкин, А. А. Ушаков, Л. П. Галанза, В. М. Савицкий и др. Но, как уже отмечалось ранее, активизация юрислингвистики в нашей стране произошла лишь после распада СССР, в период становления демократии и рынка. До этого «особенности языка права рассматривались преимущественно в рамках юридической техники» [Барабаш 2014: 15]. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в Москве вышли в свет первые теоретические работы – книги «Понятия чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации» (1997) и «Цена слова» (2001), посвященные методике судебно-лингвистических экспертиз [Зорина 2017: 9]. В 2007 г. на базе Кемеровского государственного университета прошла первая международная конференция по вопросам юридической лингвистики. Опыт конференции показал: интерес к развитию юрислингвистики в РФ имеется, и он очень велик (к участию подавались заявки со всех регионов страны) [Голев 2007: 7; Зорина 2017: 9].

На сегодняшний день можно говорить о существовании следующих приуниверситетских научных центров юрислингвистики в России:

- Нижегородская правовая академия (А. С. Александров);
- Пермская стилистическая школа (Л. Г. Кыркунова);
- Сибирская школа юрислингвистики (Н. Д. Голев);
- Московская школа лингвокриминалистики (Л. В. Златоустова, Е. И. Галяшина) [Голетиани 2011: 244-246].

Современное «состояние юрислингвистики как науки находится на этапе активных научных исследований языка права во всем мире» [Зорина 2017: 65; Хижняк 2016: 55; Чукулаева 2013: 214, 215]. Иллюстрацией тому является постоянный рост числа исследований в различных сферах юрислингвистической проблематики (табл. 1). [Голев 2007: 9, 10; Голетиани 2011: 241, 242; Хижняк 2016: 55-58].

Направления юрислингвистики в России и за рубежом (исходя из предмета исследования)

Таблица 1

Н. Д. Голев	Л. Голетиани	С. П. Хижняк
судебная лингвистическая экспертиза (<i>методология лингвистической экспертизы по диффамационным делам, делам об экстремизме и разжигании межнациональной розни, лингвистическая экспертиза текста закона на коррупциогенность</i>)		
конфликты межъязыкового перевода (юридический перевод, язык меньшинств, отсутствие эквивалентов, различия правовых систем, квалификация переводчиков)		
конституционное право на имя	история юридического/законодательного языка (исследование ранних юридических текстов)	
толкование текстов закона, спорных документов	законодательная техника, юридическое документоведение и письмо (нормы написания документов, которые будут понятны нелингвистам)	
лингвокриминалистика (идентификация личности по языковым признакам, идентификация документов)	юридический дискурс	
официальный статус языка, вопросы лингвистической политики в мультиэтнических государствах	отличия юридического языка от других страт литературного языка	
экология языка (речевое хулиганство: брань, нецензурные выражения)	юридические тезаурусы (терминология)	юридический жаргон (профессиональная лексика и жаргон преступников)

речевое манипулирование (реклама, предвыборные технологии, «околомедицинские» практики)	<i>использование вербального знака в защите прав интеллектуальной и индустриальной собственности</i>	простота юридического языка (легкость и эффективность восприятия текстов законов и документов)
защита авторских прав	судебное речеведение	юридическая лексикография
защита чести и достоинства (клевета, распространение порочащих сведений, оскорбление)	–	юридическая лингвистика и межкультурная коммуникация (обусловленность языка культурой и конкретной правовой системой)

Курсивом в таблице 1 выделены предметы юрислингвистики, объединенные Л. Голетиани в группу прикладных аспектов лингвоюридического знания в суде.

Определение объекта юридической лингвистики в глобальном смысле ведет к ее разделению на юрислингвистику и лингвоюристику. В первом случае объектом является отношение языка к закону (юридический аспект языка), во втором – закона к языку (языковые аспекты права) [Голев 1999: 12]. На этом основании мы можем представить взаимосвязь наук в виде цепочки, в которой противоположные полюса занимают лингвистика и юриспруденция: Лингвистика – Юрислингвистика – Лингвоюристика – Юриспруденция.

В отличие от исходных исследований юридического языка как особого стилового пласта с точки зрения лексики, синтаксиса и стилистики, в современных научных работах тот же самый объект изучается как интегративный социальный феномен (в соответствии с тенденциями экспансионизма и экспланаторности) [Моисеенко 2017: 102; Гришенкова 2005: 23; Маслова, Лавицкий 2019: 570]. Теперь материалом исследования становится не только текст нормативно-правового акта, но и вообще «любой текст, рассматриваемый в правовом контексте» – от государственного документа до зафиксированного конфликтного высказывания [Будаев 2019: 122; Дединкин 2021: 225].

На наш взгляд, одной из самых актуальных проблем юрислингвистической науки все еще остается проблема понятности текста закона. Рядовому носителю языка, члену правоотношений зачастую неясна воля законодателя, выраженная в правовом акте. Как известно, незнание (а равно – непонимание) закона не освобождает от ответственности. Поэтому «неюристы», как правило, занимают слабую позицию. Разрешению данной коллизии может способствовать создание «высоких лингвистических стандартов в сфере языка законодательства с целью создания понятного текста в законе для лиц, не имеющих юридического образования» [Калиев 2011: 214]. «Антиномию двух предназначений юридических текстов: для профессионалов, владеющих особым типом мышления (юридическим) и особым языком (юридическим), и для рядовых законопослушных граждан» призвана разрешить юридическая техника [Голев 2007: 12, 13].

Завершая описание юрислингвистики как науки, отметим отсутствие единого мнения ученых о ее статусе. Это поле определяется и как «раздел прикладной лингвистики» [Будаев 2019: 122], и как «отдельная отрасль знаний» [Голетиани 2011: 241], и как «лингвистическая дисциплина» [Пыж 2010: 102] и т. д. Мы же, соглашаясь с Л. А. Брусенской, признаем, что юридическую лингвистику пока сложно называть фундаментальной наукой [Брусенская, Куликова 2017: 126], но полноправно можно считать самостоятельной: она имеет свой объект, цели, задачи и методологию [Дединкин 2021: 224]. Ее сущность составляет ряд взаимосвязанных разделов, состоящих в системных отношениях между собой и обслуживающих специфическую коммуникативную сферу – юридический дискурс [Федулова 2015: 56].

Таким образом, «на основе теоретических выводов, получаемых в рамках этой лингвистической дисциплины, возможна разработка практических рекомендаций по совершенствованию и дальнейшему развитию юридического языка и в целом повышению эффективности вербальной коммуникации на данном участке цивилизационного и культурного пространства» [Пыж 2010: 102]. Благодаря достижениям юрислингвистики как науки сегодня стала возможной подготовка молодых кадров для дальнейшей работы в этой сфере. Тем самым запускается трехкомпонентный цикл: *профессиональная подготовка – практическая деятельность – научное осмысление*.

Содержание вузовского курса «Юрислингвистика»: методические и организационно-дидактические аспекты

Очередной вехой развития юрислингвистики как науки стало ее внедрение в сферу образования. Э. В. Будаев называет три ключевые даты, ознаменовавшие вхождение юридической лингвистики в учебный дискурс: 1999 г. – включение курса юрислингвистики в магистерскую программу Кардиффского университета; 2008 г. – открытие Центра юридической лингвистики в Астонском университете; 2000-е гг. – выход первых учебных изданий по дисциплине [Будаев 2019: 125].

В России в силу объективных причин эти процессы происходили с небольшим хронологическим отставанием. Уже в 2003 г. заявлялось: «социальный заказ на специалистов в области юридической лингвистики в современном обществе достаточно велик» [Голев 2003: 10]. Ранее мы обосновали значимость введения юрислингвистической специализации несколькими причинами. Во-первых, к тому моменту уже имелся спрос на специалистов,

обладающих профессиональными знаниями в лингвистике и юриспруденции одновременно. Во-вторых, сохранили свою актуальность вопросы повышения уровня лингвистических знаний студентов учебных учреждений, которые прямо или косвенно связаны с подготовкой специалистов-правоведов. В-третьих, нарастало число конфликтных ситуаций, возникающих в силу противоречивого характера самого языка и его функционирования, вместе с признанием огромной роли языка как орудия убеждения и способа воздействия на общество в целом и на отдельную личность в частности. Причиной прикладного характера стало увеличение роли служебной документации, включенной в юридические сферы (протоколы, служебные постановления, тексты договоров, контрактов и т. п.), что предполагало высокую культуру их составления, понимания и исполнения. Наконец, крепло убеждение, что работники СМИ и работники правоохранительных органов должны иметь представление о языковой и правовой специфике собственной деятельности [Голев 2003: 7-10].

Думается, спустя 18 лет эти вопросы стали иметь более острый характер, а сам круг причин подготовки юрислингвистов значительно расширился.

Собственно, эти причины во многом определили внедрение юрислингвистики в различных ее формах в систему высшего образования. Ученые признают, что для бакалавриата и магистратуры необходимо ставить разные задачи юрислингвистической подготовки. Мы находим это положение весьма логичным и полностью разделяем его. В условиях присоединения России к Болонской системе важно было осознать специфику квалификации магистра и бакалавра. Бакалавриат предполагает погружение студента в образовательный процесс с широким спектром изучаемых дисциплин в рамках избранного направления подготовки. По нашему глубокому убеждению, обучение на данной ступени должно быть классическим (относительно рассматриваемого предмета мы имеем в виду подготовку лингвистов (филологов) и правоведов (юристов) «в чистом виде»). Потому и присутствие юрислингвистики здесь представляется дозированным: в формате отдельной дисциплины, спецкурса, дополнительного предмета по выбору.

Область знаний, получаемых в магистратуре, значительно уже, но здесь принципиальное значение имеют их глубина и применимость на практике. Именно магистерские направления подготовки представляется целесообразным рассматривать как площадки адаптации новых научных отраслей. Соответственно, и юрислингвистику здесь мы можем представить не просто как учебный курс или дисциплину, а как целый профиль подготовки, включающий ряд частных предметных областей.

Более того, видится оправданным разделять не только юрислингвистику для бакалавриата и для магистратуры, но и юрислингвистику для выпускников филологического и юридического бакалавриата. Совершенно очевидно, что стартовый капитал знаний, а значит, и образовательные запросы у таких магистрантов-первокурсников будут разными. Специализация по юридической лингвистике уже существует во многих вузах. Л. А. Брусенская предлагает и еще более узкие специализации в качестве профилей подготовки магистров: «по экологической лингвистике, исследующей именно те вопросы, которые потенциально являются предметом судебного разбирательства» (инвективная лексика, неправомерное использование иноязычия, манипуляция, экстремизм); по судебной экспертизе (ср. подготовка экспертов-криминалистов) [Брусенская, Куликова 2017: 129]. Для юристов, «которые уже состоялись в профессии», автор предлагает программу повышения квалификации «Русский язык для судебных работников» [Брусенская, Куликова 2017: 129].

В. М. Баранов также выражает мнение о необходимости узкой профильной подготовки специалистов. Он обосновывает проблему отсутствия специалистов-нормрайтеров: «в России нет особого слоя людей, которых специально подготовили для правотворческой работы и которые имеют соответствующего образца диплом. Считается, что любой может участвовать в правотворчестве ... с большей или меньшей активностью»; системного обучения не ведется, и диплома соответствующего образца не существует [Баранов 2017: 18, 19]. В. М. Баранов заявляет об острой потребности в разработке профессионального стандарта нормрайтера и подготовке соответствующего образовательного стандарта [Баранов 2017: 20, 22]. «При определении содержания и структуры компетенции нормрайтера важно провести четкое "размежевание" с полномочиями и обязанностями близких, смежных специалистов» [Баранов 2017: 21]. Подготовка таких кадров потребует специального организационно-методического обеспечения, открытия в университете специальных кафедр «стратегии, тактики и техники правотворчества, экспертизы в правотворчестве, современного муниципального правотворчества» и др. [Баранов 2017: 23].

Остановимся все же на аспектах подготовки филологов и юристов в рамках интегративного учебного направления. Филологов привлекают к реальной правоприменительной практике для «получения лингвистических заключений по текстам различной тематики и функционально-стилистической принадлежности» [Брусенская, Куликова 2017: 128]. Поскольку для квалификации языковых правонарушений недостаточно владения только лингвистическими методиками, Л. А. Брусенская настаивает на необходимости формирования у филологов стиля мышления юристов [Брусенская, Куликова 2017: 127]. Такие ожидания от обучающихся определяют соответствующие требования к преподавателю: «в идеале преподавание прикладных дисциплин ... должно вестись лингвистами с юридической подготовкой или специалистами в области права со знанием филологии» [Крадожен-Мазурова 2016: 120]. Филологи востребованы и при разработке рекомендаций о том, как избежать правовых рисков (превентивные меры) [Брусенская, Куликова 2017: 128].

Основной целью юрислингвистического образования является подготовка «профессионального лингвиста, владеющего методологической базой современных междисциплинарных и собственно лингвистических исследований» [Курьянович 2014: 271]. Такой специалист должен быть способен на основе «знаний по теории текста, дискурсо- и жанроведению, функциональной лексикологии и стилистике оказать помощь в рассмотрении комплекса

вопросов, касающихся спорных случаев словоупотребления в контексте той или иной коммуникативной ситуации» [Курьянович 2014: 271].

При обучении юристов акцент делается на стилистической стороне юридического языка как особой подсистемы языка литературного.

Специалисты должны осознавать юридические различия и особенности разных жанров, с которыми им предстоит столкнуться в профессиональной деятельности (язык и стиль допроса, судебных прений, судебный этикет и т. п.) [Брусенская, Куликова 2017: 129].

Рядом ученых отстаивается мнение, что в программы юридических вузов следует включать дисциплины филологического цикла (риторика, культура речи юриста, документная лингвистика, профессиональная речь, судебное красноречие и т. п.), поскольку «юрист – профессия с повышенной речевой ответственностью» [Брусенская, Куликова 2017: 129; Голев 2003: 5]. В. И. Пронягина объясняет это требованием к юристам не только уметь квалифицировать словоупотребления с позиции «правильно/неправильно», но и «рассматривать языковые факты с точки зрения права», комплексно оценивать нормативные тексты с позиций ясности (четкости, логичности, убедительности), точности (однозначности), чистоты (в стилистическом отношении), правильности (соответствия нормам литературного языка) [Пронягина 2013: 74].

Интегративный подход юрислингвистики «дает возможность будущим юристам на базе общеправовой подготовки получить уникальные навыки практической деятельности в судебной лингвистической экспертизе, юридической медиации, законотворчестве (разработка проектов законов) и законоприменении (толкование действующих правовых актов)» [Соловьева 2016: 62]. Е. М. Крадожен-Мазурова полагает, что «юрислингвистика, теория и практика назначения и производства лингвистических экспертиз – вершина языковой подготовки юриста-правоведа» [Крадожен-Мазурова 2016: 120].

При господствующем компетентностном подходе в образовании огромное значение имеет формирование у студентов лингвистической компетенции наряду с профильными знаниями, умениями и навыками. Так, с 2010 г. по направлению 03.09.00 Юриспруденция действует Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования, по которому «немалую часть требований, предъявляемых к будущему юристу, составляют именно языковые» [Герасимова, Здравовина 2014: 31].

Л. А. Москалева шире рассматривает круг лиц, заинтересованных в получении юрислингвистического образования, и пишет о формировании коммуникативной компетенции у специалистов ОВД [Москалева 2013: 83]. Их профессиональная деятельность предполагает ряд задач, требующих развитых языковых и речевых навыков: «разработка нормативных правовых актов; составление юридических документов; консультирование по вопросам права; осуществление правовой экспертизы нормативных правовых актов; ... поиск, получение, анализ и оценка информации, имеющей значение для реализации правовых норм в сфере национальной безопасности; осуществление правового воспитания» [Москалева 2013: 84].

Е. Р. Новикова сосредотачивается на обосновании проблем подготовки юристов-переводчиков. Специфика обучения таких студентов определена необходимостью изучения не только права зарубежного государства, но и его юридического языка для перевода соответствующих реалий [Новикова 2017: 20]. Отсутствие у переводчика специальных знаний (лингвистических или правовых) влечет возникновение т. н. переводческого брака, выраженного в упущении важной информации, подмене терминов и официально-деловой лексики общеупотребительными словами, замене ряда однородных членов одним обобщающим термином, буквальном и вольном переводе и т. д. [Новикова 2017: 21].

Ю. Р. Сергеева выносит на обсуждение вопрос об инструментах установления межпредметных связей между языком, правом и переводческой деятельностью на примере направления подготовки 40.02.01 «Право и организация социального обеспечения» ступени среднего профессионального образования. Предлагаемая исследователем и преподавателем методика – использование учебного двуязычного терминологического словаря-минимума, глоссария или тезауруса, способствующее развитию у студентов профессионально ориентированного английского языка [Сергеева 2018: 508, 509].

В 2012/2013 учебном году в Казанском юридическом институте был апробирован курс «Юридическая лингвистика» в формате факультативных занятий. Особое внимание было уделено подбору материала для практических заданий, который включал тексты (фрагменты художественных произведений, судебных речей, рекламных и агитационных текстов и др.); видеоматериалы (сюжеты из художественных фильмов, записей политических выступлений и дебатов, образцы успешной аргументации, речевого воздействия); «видеоматериалы, в которых представлены рекомендации и наблюдения психологов, тренеров по межличностной коммуникации и ораторскому искусству» [Москалева 2013: 86]. Можем отметить практическую ориентированность такого подхода, которая весьма логична с учетом сущности самой юрислингвистики, выросшей из практической деятельности. Работа студентов с эмпирическим материалом, кейсами формирует у них профессиональную насмотренность. Но, разумеется, теоретические аспекты не должны упускаться, т. к. выстраивание особого мышления невозможно без обращения к понятийному аппарату, восприятия уже установленных закономерностей и концепций.

В Томском государственном педагогическом университете юрислингвистика преподается как дисциплина по выбору для магистрантов. А в 2015 г. в вузе планировалось открыть магистерскую программу «Юридическая лингвистика в профессиональной деятельности» для подготовки широкого круга профессиональных кадров (от преподавателей до юристов) [Курьянович 2014: 274].

Сегодня российские вузы активно набирают студентов для подготовки на юрислингвистических направлениях. В основном юридическая лингвистика становится профилем подготовки магистров. В Интернете в свободном доступе размещаются описания образовательных программ на базе таких вузов, как Санкт-Петербургский государственный университет¹, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова², Южный федеральный университет³, Кемеровский государственный университет⁴ и др. Большая часть магистратур открывается на базе филологических институтов и факультетов и регулируется нормами Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по направлениям подготовки 45.04.01 Филология и 45.04.02 Лингвистика.

Дисциплины по юридической лингвистике преподаются во Владимирском государственном университете⁵, в Томском государственном педагогическом университете⁶ и др.

Как видим, на данный момент юрислингвистика, возникавшая в России как новая отрасль научного знания, развиваемая изначально в стенах Алтайского государственного университета, уже имеет устоявшийся статус и широкую географию распространения в образовательной среде.

Заключение

В содержательном плане в исследовании обоснованы следующие положения:

1. Юридическая лингвистика прошла путь от практической деятельности, зародившейся еще при толковании древних юридических текстов, до особой области науки. На рубеже XX-XXI вв. происходит определение ее статуса в системе российского высшего образования как учебной дисциплины и как профиля подготовки студентов квалификации Магистр.

2. Ко второму десятилетию XXI в. обнаружился дефицит учебных программ и изданий, обслуживающих превентивные учебные курсы по юридической лингвистике. Преподаватели вынуждены предлагать в качестве основной и дополнительной литературы монографии и научные статьи по отдельным отраслям юрислингвистики, а также юридические словари и энциклопедии – источники, не в полной мере соответствующие требованиям дискурса. Кроме того, такой подход способствует мозаичному восприятию дисциплины и юрислингвистики в целом.

3. Вузовское учебное издание не должно восприниматься как ядро, вокруг которого построена учебная программа дисциплины, или быть источником исключительно теоретических положений. Это вспомогательный инструмент, который в соответствии с принципом самоорганизации учебного процесса и стремлением к воспитанию самостоятельности студентов должен предлагать разные формы взаимодействия с учебным материалом и мотивировать на расширение знаний.

4. Инновационный учебник (учебное пособие) может сохранить за собой привычный печатный формат. При всех преимуществах электронных изданий и их широкой распространенности бумажные книги остаются наиболее приемлемыми средствами обеспечения учебного процесса в связи с удобством и эффективностью восприятия информации, автономностью и независимостью от технических средств, практически неограниченным временем безопасного с медицинской точки зрения взаимодействия и др. Более того, в печатное издание могут быть интегрированы средства взаимодействия с интернет-ресурсами.

В проведенном исследовании обоснована возможность применения категории модальности к структуре учебного издания для вуза. В аспекте методики преподавания она находит выход в способах воздействия на ведущий канал восприятия. В свете преломления через языковые механизмы она обращается к авторским интенциям: видению обязательности или необязательности тех или иных компонентов, направленности на вовлечение или невовлечение читателя в дистантный диалог. Взаимосвязь фактора адресата и модальности отдельных структурных компонентов или издания в целом неочевидна и требует верификации.

Перспективы работы видим в применении установленных на данном этапе положений при анализе вузовских программ и учебников по юрислингвистике. Выражаем надежду на то, что предложенные макеты структуры учебного издания, обслуживающего курсы по юридической лингвистике, найдут применение на практике и будут результативны.

¹ Юридическая лингвистика. 45.04.02 [Электронный ресурс] // Санкт-Петербургский государственный университет. Режим доступа: <https://spbu.ru/postupayushchim/programms/magistratura/yuridicheskaya-lingvistika> (дата обращения: 18.01.2021).

² Юридическая лингвистика. 45.04.01 [Электронный ресурс] // Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова. Режим доступа: <https://lunn.ru/programs/5388> (дата обращения: 18.01.2021).

³ Информация о магистерской программе «Юридическая лингвистика» [Электронный ресурс] // Южный федеральный университет. Режим доступа: [https://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=EDU/annot/D¶ms=\(p_specia_id=%3E3634\)](https://sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=EDU/annot/D¶ms=(p_specia_id=%3E3634)) (дата обращения: 18.01.2021).

⁴ Направление 45.04.01 – Филология [Электронный ресурс] // Кемеровский государственный университет. Режим доступа: <https://kemsu.ru/abiturient/directions/magistracy/450401/> (дата обращения: 18.01.2021).

⁵ Рабочая программа дисциплины «Юридическая лингвистика» [Электронный ресурс] // Владимирский государственный университет. Режим доступа: http://op.vlsu.ru/fileadmin/Programmy/Magistratura/40.04.01/Teor_i_pr_prav_reg/R_prog/jul2.pdf (дата обращения: 18.01.2021).

⁶ Рабочая программа учебной дисциплины М.3.В.11. Юрислингвистика [Электронный ресурс] // Томский государственный педагогический университет. Режим доступа: https://www.tspu.edu.ru/images/history_news/Programmy%202014-2015/Magistratura/050100.68%20Современное%20языковое%20образование/M_2_V_11_Urislingvistika.pdf (дата обращения: 18.01.2021).

Литература

- Барабаш О. В. Юрислингвистика: истоки, проблемы, перспективы. Вестник Пензенского государственного университета. Пенза, 2014. № 2. С. 14-18.
- Баранов В. М. Норморайтер как профессия. Вестник Саратовской государственной юридической академии. Саратов, 2017. № 6. С. 16-29.
- Брусенская Л. А. Правовое регулирование языка: русский язык в сфере юридического функционирования. Философия права. Ростов-на-Дону, 2011. № 5. С. 15.
- Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Перспективные направления лингвистической подготовки юристов: новые формы интеграции лингвистики и права. Юристъ-Правоведъ. Ростов-на-Дону, 2017. № 2. С. 125-130.
- Будаев Э. В. Зарубежная юридическая лингвистика: генезис дисциплины. Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2019. № 1. С. 122-126.
- Ворошилова М. Б. Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика. Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2013. № 1. С. 211-212.
- Герасимова Н. Р., Здоровина Н. В. Юрислингвистика: перспективы внедрения в юридическое образование. Социально-политические науки. М., 2014. № 1. С. 30-32.
- Голев Н. Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении. Юрислингвистика. Барнаул, 1999. № 1. С. 12-59.
- Голев Н. Д. Юрислингвистика: социально-образовательные аспекты. Юрислингвистика. Барнаул, 2003. № 4. С. 5-11.
- Голев Н. Д. Самоопределение юридической лингвистики в России. Юрислингвистика. Барнаул, 2007. № 8. С. 7-13.
- Голетиани Л. О развитии юридической лингвистики в России и Украине. Studi Slavistici VIII. Флоренция, 2011. С. 241-262.
- Глинская Н. П. Язык и право: панорамный взгляд на современное состояние междисциплинарного взаимодействия (рец. на кн.: The Oxford Handbook of Language and Law. Edited by Peter M. Tiersma and Lawrence M. Solan. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – 642 p.). Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2012. № 2. С. 218-220.
- Гришенкова Ю. А. Актуальные вопросы современной юрислингвистики. Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2005. № 1. С. 20-23.
- Дединкин А. Л. Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрислингвистика как синкретическая наука. Вестник Кемеровского государственного университета. Кемерово, 2021. Т. 23. № 1. С. 220-228.
- Зархина С. Э. Античные истоки философской юрислингвистики. Юрислингвистика. Барнаул, 2008. № 9. С. 6-9.
- Зорина Т. С. Основные аспекты юрислингвистики. Язык и стиль нормативно-правовых актов. Требования, предъявляемые к написанию законов: магистерская диссертация: 40.04.01 / Татьяна Сергеевна Зорина. Барнаул, 2017.
- Ивентьев С. И. Юрислингвистика: юридическая истина. Гуманитарные чтения «Свободная стихия»: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (Севастополь, 13-15 сентября 2018 г.) Севастополь, 2018. С. 288-295.
- Калиев А. О пути становления юрислингвистики как науки. Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. Новосибирск, 2011. № 8. С. 212-215.
- Крадожен-Мазурова Е. М. Юрислингвистика – перспективное направление подготовки современных юридических кадров дальневосточного региона. Теоретические и прикладные аспекты современного лингвистического образования в условиях неязыкового вуза: сб. мат-лов Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием. (Хабаровск, 30 октября 2015 г.) Хабаровск, 2016. С. 119-122.
- Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа). Актуальные проблемы современной лингвистики, сост. Л. Н. Чурилина. 10-е изд., стер. М., 2017. С. 46-59.
- Кузнецов А. М., Бурдин Л. С., Солнцева Н. В. Юрислингвистика (язык и право). М., 2006.
- Курьянович А. В. Юридическая лингвистика: теоретические аспекты, практика экспертизы, опыт преподавания. Образование через всю жизнь. Проблемы образования взрослых в Западно-Сибирском регионе: мат-лы межрегиональной науч.-практ. конф. (Омск, 6-7 ноября 2014 г.) Омск, 2014. С. 270-276.
- Маслова В. А., Лавицкий А. А. Философские вопросы семантики, поднимаемые Л. А. Новиковым, – ключ к формированию терминологического аппарата юрислингвистики (категория умышленности). Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. М., 2019. Т. 10. № 3. С. 567-580.
- Моисеенко Л. В. Таксономия лингвистических исследований в области юридического дискурса. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. М., 2017. № 6 С. 99-105.
- Москалева Л. А. Аспекты преподавания юридической лингвистики в вузах МВД. Вестник Казанского института МВД России. Казань, 2013. № 1. С. 82-86.
- Новикова Е. Р. Особенности обучения юрислингвистике при подготовке юристов-переводчиков. Державинский форум. Тамбов, 2017. Т. 1. № 4. С. 20-26.
- Осипов Б. И. Языковые проблемы права и правовые проблемы языка. Юрислингвистика. Барнаул, 1999. № 1. С. 58-69.

- Позднякова Е. М. Парадигмы научного знания в лингвистике и современное лингвистическое образование. Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. трудов, отв. ред. Е. С. Кубрякова, Л. Г. Лузина. М., 2008. С. 4-14.
- Пронягина В. И. Проблемы формирования лингвистической компетенции студентов-юристов. Вестник Уфимского юридического института МВД России. Уфа, 2013. № 1. С. 73-78.
- Пыж А. М. Язык и право в свете юрислингвистики. Юрислингвистика. Барнаул, 2010. № 10. С. 101-106.
- Руженцева Н. Б. Взаимодействие языка, права и политики: методология и методы отечественной юрислингвистики. Будаев Э. В., Ворошилова М. Б., Руженцева Н. Б. Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приемы. Екатеринбург, 2017. Гл. II. С. 62-124.
- Сергеева Ю. Р. Правовая лингвистика как новое междисциплинарное направление в среднем профессиональном образовании. Личность. Общество. Образование. Непрерывное образование как фактор развития личности в современном обществе: сб. ст. XXI Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 30 марта 2018 г.) СПб., 2018. С. 505-510.
- Соловьева О. Б. Юрислингвистика: расширение перспектив трудоустройства будущих юристов. Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Новосибирск, 2016. № 3. С. 58-63.
- Томсон Г. В. Природа юрислингвистики. Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2017. № 2. С. 380-382.
- Хижняк С. П. Юридическая лингвистика за рубежом. Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: мат-лы VI Всерос. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 15 ноября 2016 г.) Ростов-на-Дону, 2016. Вып. 6. С. 55-59.
- Федулова М. Н. Юридический дискурс как социокультурный и языковой феномен: уровни научной интерпретации. Филологические науки в МГИМО. М., 2015. № 4. С. 47-59.
- Чуколаева Е. И. К вопросу о лингвоюриспруденции и юрислингвистике. Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. Пермь, 2013. Т. 4. С. 211-214.
- Шокиров Т. С. Национальная юрислингвистика и ее задачи. Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. М., 2013. № 9. С. 90-91.
- Saussure F. de. Cours de linguistique generale, publie par Ch. Bally, A. Sechehaye, A. Riedlinger. Paris, 1971.
- Gibbons J. Forensic linguistics: an introduction to language in the justice system. Oxford, 2003.

References

- Barabash, O. V. Legal linguistics: origins, problems, prospects. Bulletin of the Penza State University. Penza, 2014, no. 2, pp. 14-18. (In Russian)
- Baranov, V. M. Normwriter as a profession. Bulletin of the Saratov State Law Academy. Saratov, 2017. No. 6. P. 16-29. (In Russian)
- Brusenskaya, L. A. Legal regulation of the language: Russian language in the field of legal functioning. Philosophy of law. Rostov-on-Don, 2011. No. 5. P. 15. (In Russian)
- Brusenskaya, L. A., Kulikova, E. G. Perspective directions of linguistic training of lawyers: new forms of integration of linguistics and law. Lawyer-Jurist. Rostov-on-Don, 2017. No. 2. P. 125-130. (In Russian)
- Budaev, E. V. Foreign legal linguistics: the genesis of the discipline. Political linguistics. Yekaterinburg, 2019. No. 1. P. 122-126. (In Russian)
- Voroshilova, M. B. Legal linguistics: forensic linguistic expertise, linguistic conflictology, legal and linguistic hermeneutics. Political linguistics. Ekaterinburg, 2013. No. 1. S. 211-212. (In Russian)
- Gerasimova, N. R., Zdorovinina, N. V. Legal linguistics: prospects for implementation in legal education. Socio-political sciences. Moscow, 2014. No. 1. S. 30-32. (In Russian)
- Golev, N. D. Legal aspect of language in linguistic coverage. Jurislinguistics. Barnaul, 1999. No. 1. S. 12-59. (In Russian)
- Golev, N. D. Jurislinguistics: social and educational aspects. Jurislinguistics. Barnaul, 2003. No. 4. S. 5-11. (In Russian)
- Golev, N. D. Self-determination of legal linguistics in Russia. Jurislinguistics. Barnaul, 2007. No. 8. S. 7-13. (In Russian)
- Goletiani, L. On the development of legal linguistics in Russia and Ukraine. Studi Slavistici VIII. Florence, 2011. pp. 241-262. (In Russian)
- Glinskaya, N. P. Language and Law: A Panoramic View of the Current State of Interdisciplinary Cooperation (reviewed in The Oxford Handbook of Language and Law. Edited by Peter M. Tiersma and Lawrence M. Solan. – Oxford: Oxford University Press, 2012. - 642 p.). Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. Voronezh, 2012. No. 2, pp. 218-220. (In Russian)
- Grishenkova, Yu. A. Topical issues of modern jurislinguistics. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. Yaroslavl, 2005. No. 1. S. 20-23. (In Russian)
- Dedinkin, A. L. Legal discourse as a multidimensional integrative phenomenon and jurislinguistics as a syncretic science. Bulletin of the Kemerovo State University. Kemerovo, 2021, vol. 23, no. 1, pp. 220-228. (In Russian)
- Zarkhina, S. E. Antique origins of philosophical jurislinguistics. Jurislinguistics. Barnaul, 2008. No. 9. S. 6-9. (In Russian)
- Zorina, T. S. Main aspects of jurislinguistics. Language and style of legal acts. Requirements for writing laws: master's thesis: 40.04.01 / Tatyana Sergeevna Zorina. Barnaul, 2017. (In Russian)
- Iventiev, S. I. Legal linguistics: legal truth. Humanitarian readings "Free Element": materials of the III Intern. scientific-practical. conf. (Sevastopol, September 13-15, 2018) Sevastopol, 2018, pp. 288-295. (In Russian)

- Kaliev, A. On the way of formation of jurislinguistics as a science. Intellectual potential of the 21st century: stages of knowledge. Novosibirsk, 2011, no. 8, pp. 212-215. (In Russian)
- Kradozhen-Mazurova, E. M. Legal linguistics is a promising direction in the training of modern legal personnel in the Far East region. Theoretical and applied aspects of modern linguistic education in a non-linguistic university: Sat. mat-lov Vseros. scientific method. conf. with international participation. (Khabarovsk, October 30, 2015) Khabarovsk, 2016, pp. 119-122. (In Russian)
- Kubryakova, E. S. Evolution of linguistic ideas in the second half of the 20th century (experience of paradigm analysis). Actual problems of modern linguistics, comp. L. N. Churilin. 10th ed., ster. Moscow, 2017, pp. 46-59. (In Russian)
- Kuznetsov, A. M., Burdin, L. S., Solntseva, N. V. Jurislinguistics (language and law). Moscow, 2006. (In Russian)
- Kuryanovich, A. V. Legal Linguistics: Theoretical Aspects, Expertise Practice, Teaching Experience. Education throughout life. Problems of adult education in the West Siberian region: materials of the interregional scientific and practical. conf. (Omsk, November 6-7, 2014) Omsk, 2014, pp. 270-276. (In Russian)
- Maslova, V. A., Lavitsky, A. A. Philosophical issues of semantics raised by L. A. Novikov are the key to the formation of the terminological apparatus of jurislinguistics (the category of intentionality). Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. Moscow, 2019. V. 10. No. 3. S. 567-580. (In Russian)
- Moiseenko, L. V. Taxonomy of linguistic research in the field of legal discourse. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences. Moscow, 2017. No. 6 S. 99-105. (In Russian)
- Moskaleva, L. A. Aspects of teaching legal linguistics in the universities of the Ministry of Internal Affairs. Bulletin of the Kazan Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Kazan, 2013. No. 1. P. 82-86. (In Russian)
- Novikova, E. R. Features of teaching jurislinguistics in the preparation of lawyers-translators. Derzhavin forum. Tambov, 2017. Vol. 1. No. 4. P. 20-26. (In Russian)
- Osipov, B. I. Language problems of law and legal problems of language. Jurislinguistics. Barnaul, 1999. No. 1. S. 58-69. (In Russian)
- Pozdnyakova, E. M. Paradigms of scientific knowledge in linguistics and modern linguistic education. Paradigms of scientific knowledge in modern linguistics: Sat. scientific works, resp. ed. E. S. Kubryakova, L. G. Luzina. Moscow, 2008, pp. 4-14. (In Russian)
- Pronyagina, V. I. Problems of forming the linguistic competence of law students. Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Ufa, 2013. No. 1. P. 73-78. (In Russian)
- Pyzh, A. M. Language and law in the light of jurislinguistics. Jurislinguistics. Barnaul, 2010, No. 10, pp. 101-106. (In Russian)
- Ruzhentseva, N. B. Interaction of language, law and politics: methodology and methods of national jurislinguistics. Budaev E. V., Voroshilova M. B., Ruzhentseva N. B. The evolution of linguistic expertise: methods and techniques. Yekaterinburg, 2017. Ch. II. pp. 62-124. (In Russian)
- Sergeeva, Yu. R. Legal linguistics as a new interdisciplinary direction in secondary vocational education. Personality. Society. Education. Continuing education as a factor in the development of personality in modern society: Sat. Art. XXI International. scientific-practical. conf. (St. Petersburg, March 30, 2018) St. Petersburg, 2018, pp. 505-510. (In Russian)
- Solovieva, O. B. Legal linguistics: expanding the prospects for employment of future lawyers. Bulletin of the Siberian State University of Communications. Novosibirsk, 2016, no. 3, pp. 58-63. (In Russian)
- Thomson, G. V. The nature of jurislinguistics. The world of science, culture, education. Gorno-Altaysk, 2017. No. 2, pp. 380-382. (In Russian)
- Khizhnyak, S. P. Legal linguistics abroad. Language and Law: Actual Problems of Interaction: Materials of VI Vseros. scientific-practical. conf. (Rostov-on-Don, November 15, 2016) Rostov-on-Don, 2016. Issue. 6. P. 55-59. (In Russian)
- Fedulova, M. N. Legal discourse as a sociocultural and linguistic phenomenon: levels of scientific interpretation. Philological sciences at MGIMO. Moscow, 2015. No. 4. S. 47-59. (In Russian)
- Chikulaeva, E. I. To the question of linguistic jurisprudence and jurislinguistics. Formation of the humanitarian environment in the university: innovative educational technologies. Competence approach. Perm, 2013, vol. 4, pp. 211-214. (In Russian)
- Shokirov, T. S. National jurislinguistics and its tasks. International Journal of Applied and Basic Research. Moscow, 2013. No. 9. P. 90-91. (In Russian)
- Saussure, F. de. Cours de linguistique generale, publie par Ch. Bally, A. Sechehaye, A. Riedlinger. Paris, 1971.
- Gibbons, J. Forensic linguistics: an introduction to language in the justice system. Oxford, 2003.

Citation:

Голев Н. Д., Лоншакова К. А. Юрислингвистика как вузовская учебная дисциплина (на материале учебников и магистерских программ в вузах Российской Федерации): аспектуализированный обзор // Юрислингвистика. – 2023. – 29. – С. 86-97.
 Golev N.D., Lonshakova K.A. (2023) Legal Linguistics as a University Academic Course (Case Study of University Textbooks and Master's Programs in the Russian Federation): Aspect Approach. Legal Linguistics, 29, 86-97.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
